

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

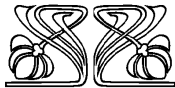
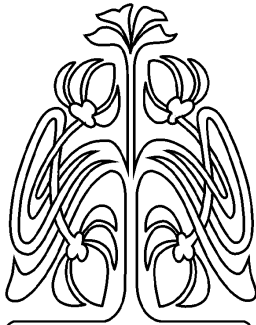
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 144–151

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 144–151

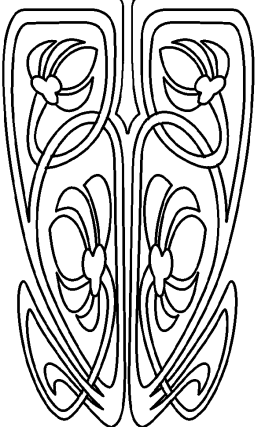
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-144-151>, EDN: CKZQWB

Научная статья

УДК [355.48:316.4](470+571)(09)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории», evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Аннотация. В статье исследуется влияние степени единства общества России на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях. Рассмотрены основные проявления раскола русского общества. Показано, что если раскол общества переходит критическую черту, то страна распадается (Смута, 1917, 1991), или Россия проигрывает в вооружённом конфликте, где у противника не было подавляющего преимущества (Крымская война). В то же время армия России выигрывает войну у сильнейшего противника, если общество смогло на время преодолеть раскол и стать единым (1812, 1941–1945).

Ключевые слова: раскол, война 1812 г., Крымская война, конфликт власти и общества, объединение российского общества

Для цитирования: Воейков Е. В. Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 144–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-144-151>, EDN: CKZQWB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The split of Russian society as one of the factors of the Russian historical process

E. V. Voeikov

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgeny V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Abstract. The article examines the impact of the degree of unity of Russian society on the course of military conflicts and the integrity of the country in crisis situations. The main manifestations of the split in Russian society are considered. It is shown that if a split in society crosses a critical line, the country disintegrates (the Troubles, 1917, 1991), or Russia loses in an armed conflict where the enemy did not have an overwhelming advantage (the Crimean War). At the same time, the Russian army wins the war against the strongest enemy if the society was able to overcome the split for a while and become united (1812, 1941–1945).

Keywords: the split, the war of 1812, the Crimean War, the conflict of power and society, unification of the Russian society

For citation: Voeikov E. V. The split of Russian society as one of the factors of the Russian historical process. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 144–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-144-151>, EDN: CKZQWB
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях перешедшей в военную фазу противостояния России и Запада особенно актуальной становится проблема единства российского общества перед очередной угрозой существованию российской цивилизации.

Термин «раскол» обычно принято употреблять применительно к протесту ряда социальных групп против религиозной реформы патриарха Никона, начатой в 1650-е гг. Следует обратить внимание на удивительную точность русского языка, сохранившего для потомков краткую и чёткую формулировку, характеризующую резкую поляризацию сторонников и противников нововведений.

Автору данного исследования представляется, что раскол как проявление скрытого или перешедшего в острую фазу конфликта различных социальных групп на основе трудно-разрешимых противоречий является постоянно действующим фактором российского исторического процесса. В наиболее мягкой и гуманной форме абстрактных мировоззренческих дискуссий раскол российского общества проявился в XIX в. как дискуссия западников и славянофилов. Максимально радикальный вариант раскола в российском обществе с переходом конфликта в острую фазу военного противостояния и крупномасштабными боевыми действиями – это Смута начала XVII в. и Гражданская война 1918–начала 1920-х гг. При этом обращает на себя внимание, что многолетнее кровавое противостояние красных и белых – это та же самая теоретическая дискуссия западников и славянофилов о путях развития российского общества и государства. Только акцент в 1918–1920 гг. уже был сделан не на степени заимствования Россией начал западной цивилизации, а на выяснении вопроса, какая Россия больше соответствует понятию справедливости – старая (у белых) или новая (у красных). И фраза из ставшей с течением десятилетий русской народной песни выражает боль души русского человека, вовлечённого помимо своей воли в кровавый хаос русской Смуты: «Они за Россию, и мы – за Россию. Так кто ж мы, поручик? И с кем же наш Бог?».

Только интеллигенты XIX столетия не догадывались, что убеждать оппонента можно не только спорами за чашкой чая и публикацией статей в журналах. В XX в. сначала 1905 г., а потом 1917 г. принесли убеждение, что наиболее убедительными аргументами в спорах с лицами, имеющими альтернативное видение на пути развития государства российского, являются револьвер с винтовкой, а в ходе усиления накала дискуссии – пулемёты и артиллерия.

Основными векторами раскола российского общества XVII–XX вв. можно считать:

- 1) перманентную конфронтацию малоимущих и зажиточных слоёв населения (с наивысшими проявлениями в виде вооружённых восстаний от «разинщины» и «пугачёвщины» до революций 1905 и 1917 гг.);
- 2) антагонизм высших (дворянство, отчасти духовенство) и низших сословий (крестьянство, рабочие);
- 3) конфликт власти (государства) и общества;
- 4) оторванность политической элиты от российского общества и склонность элиты к интеллектуально-морально-нравственной деградации и предательству национальных интересов;
- 5) национальный вопрос (от еврейских погромов до первой и второй чеченских войн);
- 6) спор о путях развития России: от «спора о вере» в ходе раскола XVII в. через дискуссию западников и славянофилов в XIX в. до референдума о сохранении СССР и дискуссий о ходе и результатах реформ 1990-х гг. и начала XXI в.

При совпадении во времени нескольких векторов раскола может происходить явление, сходное с резонансом в физике. Накладываясь друг на друга, несколько расколов в итоге стирают в массовом сознании традиционное представление об общности интересов и национально-государственном единстве российского общества и вызывают в наиболее радикальном проявлении длительную и кровопролитную гражданскую войну, революцию или распад страны на отдельные территории. Этому соответствуют Смута начала XVII в., революции 1905 и 1917 гг. и Гражданская война 1918–1920 гг. Менее кровавый и радикальный вариант резонанса русского раскола – распад страны (1991 г.) или проигранный военный конфликт (Русско-японская война 1904–1905 гг., первая чеченская война 1994–1996 гг.).

Раскол оказывает существенное влияние на ход российской истории. Наиболее ярко это проявляется в ходе военных конфликтов России. Итоговые победы или поражения России в многих войнах XVIII–XX вв. не всегда возможно объяснить, находясь только в узких рамках исключительно военного анализа событий. По мнению автора статьи, победа или поражение в ходе войны зачастую определяется степенью раскола или единства российского общества. В этой связи уместно вспомнить гениальную формулировку А. С. Пушкина из его «Бориса Годунова»: «А знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою

подмогой... А мнением, да, мнением народным!».

В силу специфики источников обнаружить проявления раскола общества в ту или иную историческую эпоху иногда затруднительно. Приходится опираться на косвенные данные. Так, применительно к войнам низкая степень раскола в обществе находит внешнее проявление в массовом героизме. Высокий уровень раскола в военных конфликтах с внешним противником выражается в преобладающей пассивности основной массы военнослужащих, выполняющих свой долг только «от сих до сих».

Рассмотрим подробнее войну 1812 г. В военном отношении армия Наполеона в тот момент была намного сильнее армии России как в количественном, так и в качественном отношении (тактика и боевой опыт). Кроме того, Россия не имела полководца, сопоставимого с Наполеоном. Для поражения в военном конфликте могло хватить и одной из трёх приведённых выше причин: 1) количественное превосходство, 2) качественное превосходство, 3) превосходство полководческого искусства. Здесь в одной точке пространства–времени сошлись сразу три. В военном отношении Россию мог ожидать только новый Аустерлиц где-нибудь в районе Витебска или Смоленска. Например, накануне Смоленского сражения Наполеону удалось переиграть в маневрировании командующего объединёнными русскими армиями М. Б. Барклая де Толли, который попытался нанести контрудар в направлении Рудни по разбросанным группировкам французской армии. У французского императора были все шансы выйти передовыми частями к Смоленску, от которого обе русские армии ушли в северо-западном направлении, отрезать русским войскам пути отступления на восток и навязать им генеральное сражение. Но ситуацию спасли отряд под командованием Д. П. Неверовского, задержавший в районе Красного почти на день кавалерию Мюрата, и корпус Н. Н. Раевского, протерпевший в Смоленске против превосходящих сил французов целый день. Обе русские армии успели вернуться к Смоленску [1, с. 292–297; 2, с. 108–112]. В результате, благодаря массовому героизму и самопожертвованию солдат и офицеров, русским войскам удалось избежать генерального сражения раньше времени и на невыгодной позиции. Таким образом, ошибки командования российской армии и мастерство тактических маневров французского полководца, которые в аналогичной ситуации в 1807 г. под Фридрихсборгом стали причиной поражения русских, в 1812 г. были сведены к минимуму и остались малозначительным эпизодом.

Подтверждением тезиса о проблематичности выигрыша Россией кампании 1812 г. может служить тот факт, что наиболее значимые и крупные сражения этой войны – Смоленское,

Бородинское, Малоярославецкое – окончились вничью. Первая «чистая» победа русских войск в войне 1812 г. была одержана под Кобриным 15 июля, где 20 тысяч русских окружили и разбили трёхтысячный (по другим данным, четырёхтысячный) отряд саксонцев Кленгеля. Обращает на себя внимание, что победить удалось не французам, а саксонцам; иностранные вооружённые формирования во французской армии отличались различным уровнем боеспособности, который в подавляющем большинстве был ниже, чем в чисто французских частях (исключениями являлись поляки и швейцарцы). В Кобрине более двух тысяч солдат и офицеров противника сдались в плен, трофеями русских войск стали 2 знамени и 8 орудий [1, с. 285; 3, с. 26]. Как видно из приведённых сведений, данную боевую операцию никак нельзя считать не только решающим, но и даже крупным сражением кампании 1812 г. Для сравнения, в трёхдневном сражении под Смоленском только потери как русских, так и французов составили порядка 12 тысяч человек [1, с. 299; 2, с. 115]. И тем более несопоставима с Кобриным Бородинская битва с 130–140-тысячным контингентом участников каждой из сторон и 30–40 тысячными потерями русских и французов.

Первые крупные выигранные русской армией сражения войны 1812 г. – это операции под Красным (3–5 ноября) и на реке Березине (14–17 ноября), то есть в период отступления стремительно теряющей боеспособность французской армии. Таким образом, вооружённые силы России сумели за шесть месяцев переломить ход войны и нанести сокрушительное поражение французской Великой армии, не добившись решительного успеха ни в одном из трёх крупных сражений (Смоленск, Бородино, Малоярославец). Кроме того, на Березине имело место уже не столько сражение, сколько массовый захват в плен отставших и потерявших боеспособность солдат противника, самому Наполеону вместе с гвардией и сохранившими боеспособность отдельными частями удалось переправиться и уйти.

Быстрая и убедительная победа России в войне 1812 г. вызвала у современников ликование и заслуженное чувство национальной гордости. Но вместе с тем возникло легкое, едва заметное чувство недоумения: как нам удалось одолеть непобедимого прежде противника? А. С. Пушкин писал: «Гроза 12-го года настала, кто тут нам помог? Остервенение народа, зима, Барклай, иль русский Бог?». Можно вспомнить и манифест Александра I от 12 января 1813 г.: «Кто мог сие сделать?.. Да познаем в великом деле сем промысел божий!». Можно вспомнить и надпись на медали «В память Отечественной войны 1812 года» с изображением на лицевой стороне всевидящего ока: «Не нам, не нам, а имени твоему» [4, с. 130]. Сведение причин победы

к промыслу Божьему было бы вполне нормально для человека эпохи Средневековья, когда религия пронизывала все сферы жизни, но для просвещённого человека периода расцвета Российской империи начала XIX в., воспитанного на славных победах российской армии времён правления Екатерины II, подобный религиозный фатализм при воспоминании о победе в войне выглядит немного странно. Предложенная автором данной статьи версия о явном или скрытом осознании современниками некоторой неестественности и «сказочности» победы вполне объясняет сведение причин победы русского оружия к вмешательству Всевышнего.

Войну 1812 г. Россия выиграла во многом из-за сведения к минимуму нескольких традиционных видов русского раскола. Русский народ отложил свои разборки с властью (только на время, как показал дальнейший рост революционного движения в XIX в.), постарался забыть вековые обиды и унижения от представителей высших сословий. В итоге воевать в действующую армию или в партизанские отряды пошли и богатые, и бедные. Снова вспомним А. С. Пушкина: «Но Бог помог, стал ропот ниже...». И даже спор о путях развития России оказался как-то не ко времени, всё заслонила чёткая и ясная на тот момент национальная идея: «Отечество в опасности! Надо спасти Россию и разбить французов». Результатом стал массовый героизм русских солдат регулярной армии, ополченцев и партизан в ходе событий 1812 г.

Феномен 1812 г. с единением русского общества явно оказал влияние и на генералитет российской армии, нередко демонстрировавший массовые непрофессионализм и бездарность (вспомним Русско-турецкую 1735–1739 гг., Русско-французскую 1805 г., Крымскую 1853–1856 гг., Русско-японскую 1904–1905 гг., Первую мировую 1914–1917 гг. войны). Но именно в кампанию 1812 г. в нужное время в нужном месте оказались М. Б. Барклай де Толли, П. И. Баграцион, Н. Н. Раевский, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, П. П. Коновницын, Д. П. Неверовский, А. И. Остерман-Толстой, Я. П. Кульнев, которые сделали то, что должны были сделать; поэтому русские войска либо выиграли там, где должны были проиграть, либо спаслись там, где должны были погибнуть. И даже «среднячки» вроде А. П. Торماسова, П. Х. Витгенштейна и посредственности типа П. В. Чичагова или Л. Л. Беннигсена сумели сделать то, что от них требовалось. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в военно-исторической литературе: «Громадное большинство русских военачальников оказалось на высоте тех геройских задач, которые им приходилось решать... Такой яркой плеяды вождей и командиров с тех пор Россия больше не имела» [5, с. 266]. А чтобы армейским партизанским отрядам под командованием Д. В. Давыдова,

А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера, И. С. Дорохова лучше воевалось, опять-таки в нужное время появились крестьянские партизанские отряды Герасима Курина, Ермолая Четвертакова, Василисы Кожиной и многих других народных мстителей.

Вероятно, некое ощущение уникальности и неповторимости 1812 г. чувствовал и командующий М. И. Кутузов, предостерегавший в 1813 г. от похода в Европу: «Как воротимся? С рылом в крови» [6, с. 220]. И действительно, боевые действия в Европе уже весной 1813 г. показали, что время «чудес» закончилось: сражения у Лютцена и Бауцена оказались неудачными, затем в августе последовало поражение союзных войск под Дрезденом. Понадобился почти год, чтобы принудить Наполеона к отречению, а Францию – к прекращению боевых действий. При этом уже с лета 1813 г. у войск антифранцузской коалиции (в отличие от русской армии в 1812 г.) было подавляющее численное превосходство. Но зато не было массового героизма и самопожертвования русских солдат, на которые они оказались способны в 1812 г.

К сожалению, «чудо» 1812 г. вместо правильного научного осмысления причин победы России породило в дальнейшем слепую и непоколебимую веру как в обществе в целом, так и на уровне высшего руководства страны и командования вооружёнными силами, что Россия изначально непобедима в абсолютно любой ситуации. Эта убеждённость хорошо сочеталась с традиционно российским пренебрежительным отношением к противнику, неоднократно приводившему к военным неудачам от битвы на Калке 1223 г. через позор проигранных сражений Русско-японской войны 1904–1905 гг., трагедии лета 1941 г. до штурма Грозного в первую чеченскую войну 1994–1996 гг. «Холодным душем» после эйфории «12-го года» для российского общества стала Крымская кампания 1853–1856 гг. (или Восточная война в зарубежной историографии). Результат данной войны необъясним, если рассматривать исключительно военный аспект. Сложившийся в научной и учебной литературе стереотип о военно-техническом превосходстве англо-французских войск над русскими, как причина поражения России в войне, при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем мифом. При более детальном рассмотрении оказывается, что наиболее часто упоминаемые нарезные ружья использовали преимущественно англичане, но полное перевооружение на новые нарезные ружья произошло в английской армии только к летнему штурму Севастополя 1855 г. [7, с. 140; 8, с. 22–24]. Более того, именно английские войска в ходе всей войны ничем особенным себя не проявили. В Альминском и особенно в Инкерманском сражениях английские части показали себя не с лучшей стороны, победа союзников была достигнута преимущественно за счёт

действий французских частей. Попутно можно отметить: именно в ходе полевых сражений Крымской войны можно наглядно увидеть, как мог бы сложиться при иных обстоятельствах ход событий в боевых действиях 1812 г.: французские части регулярно «переигрывали» хуже подготовленные к войне русские. В Балаклавском сражении победа была одержана именно над английским контингентом армии союзников. Точку в осаде Севастополя поставили опять-таки не англичане, а французы, взяв Малахов курган. Надуманность версии о превосходстве в вооружении сознавалась ещё современниками событий 1853–1856 гг. Так, занимавший в период обороны Севастополя должность начальника штаба гарнизона И. В. Васильчиков писал впоследствии: «Вся французская линейная пехота была вооружена такими же гладкоствольными ружьями, как и наша пехота; если у французов было несколько стрелковых батальонов и полк зуавов с нарезными ружьями, то у нас были тоже штуцерные в каждой роте; а артиллерия союзников нисколько не превосходила качеством орудия нашей полевой артиллерии. Всё превосходство вооружения неприятеля состояло в том, что английская пехота была снабжена нарезными ружьями, что, однако, нисколько не помешало Владимирскому полку с успехом атаковать ее в штыки на совершенно открытой и ровной местности (Альминская битва. – Е. В.). Следовательно, дурное качество нашего ручного оружия не есть настоящая причина нашего поражения» [8, с. 23–24].

Можно ещё принять во внимание, что серьёзные проблемы русской пехоты с устаревшими образцами стрелкового оружия не помешали русской армии одержать убедительную победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Пароходофрегаты в Крымской войне были более универсальными и современными по сравнению с русскими парусными кораблями, но боевых столкновений на море англо-французского и русского флотов не было; исход войны решили боевые операции на суше. Сама по себе военная техника обычно ничего не решает. Всё зависит от людей, которые ею пользуются и конкретных условий применения. Можно вспомнить и пример из новейшей истории. Великолепные по конструкторским решениям, опередившие в тот момент своё время танки Т-34 и КВ Красной армии в 1941 г. не остановили наступление противника, и примитивные по сравнению с лучшими образцами советской бронетехники немецкие Pz-II и Pz-III дошли до Ленинграда и Москвы. И обратный пример, наилучшими образцами бронетехники за весь период Второй мировой войны немецкая армия располагала летом – осенью 1944 г., но обладавшие хорошим бронированием и великолепной бронепробиваемостью орудий танки Pz-V «Пантера», Pz-VI «Тигр», новые модификации среднего

Pz-IV, самоходки «Штурмгешюц» и «Ягдпантера» не предотвратили прорывы фронта худшими по качественным характеристикам американскими «Шерманами» после высадки союзников в Нормандии и блестящие марш-броски составивших ещё значительную часть танкового парка устаревших Т-34 образца 1943 г. Красной армии в Белорусской, Ясско-Кишинёвской, Львовско-Сандомирской операциях.

Бездарность командования русской армии в Крымской войне также не может являться ключевым фактором поражения, поскольку, во-первых, это же явление ярко проявилось, например, и в победоносной войне 1877–1878 гг., во-вторых, как верно подметил современный исследователь Крымской войны, «бездарность союзных генералов успешно конкурировала с бездарностью русских военачальников» [7, с. 43].

В рамках темы данной статьи можно предложить версию одной из важных причин поражения: руководство страны во главе с императором Николаем I не смогло как в 1812 г. объединить русское общество и мобилизовать его на сосредоточении всех сил для победы. Война и русское общество в эпоху Крымской войны (как и позднее в годы Первой мировой войны) пребывали в разных реальностях. Раскол общества в середине XIX в. продолжал усиливаться, что и обусловило проигрыш России в данном конфликте. Внешним проявлением раскола общества периода 1850-х гг. могут служить неоднократно приводимые авторами научных работ массовые случаи махинаций и разворовывания выделяемых на армию средств [9, с. 44–46; 10, с. 243–245; 11, с. 90–93]. То есть, пока одна часть русского общества жертвовала собой на бастионах осаждённого Севастополя, другая благополучно наживалась на военных поставках. И массового отторжения или ярко выраженного протеста воровство чиновников не вызывало. Отечественной для всей страны война в Крыму в 1854–1855 гг., к сожалению, не стала.

Мыслитель и философ Н. Я. Данилевский, написавший в 1860-е гг. работу «Россия и Европа», где, рассматривая различные аспекты конфронтации России и Запада, первым в европейской философско-исторической мысли сформулировал в целостном виде основные постулаты цивилизационной теории. Он выделял в качестве ярко выраженного качества славянского (русского) культурно-исторического типа «дисциплинированный энтузиазм» или единение народа с монархом в минуту тяжёлых испытаний. В качестве иллюстрации Данилевский проанализировал 5 основных факторов, от которых зависит победа в войне: 1) численность войска; 2) тактическое обучение и боевой опыт; 3) качество вооружения; 4) талант военачальника; 5) «нравственный дух, одушевляющий войска» [12, с. 463]. С точки зрения данного

автора, победа в Северной 1700–1721 гг., Семи-летней 1756–1763 гг. и Отечественной 1812 г. войнах была одержана русской армией преимущественно или исключительно за счёт пятого фактора – нравственного духа. Именно этот пятый фактор есть один из признаков российской цивилизации, точнее, по терминологии Данилевского, российского культурно-исторического типа: «Это-то внутреннее, нравственно-политическое единство и цельность русского народа, объёмлющие собою всю государственную сторону его бытия, и составляют причину того, что русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем дисциплинированным энтузиазмом, волей его государя, независимо от непосредственного возбуждения отдельных единиц-личностей, составляющих народ, тем или другим интересом, событием или вообще возбуждением» [12, с. 459]. О превосходстве духа русского солдата и нравственной победе русских в Бородинской битве писал и Л. Н. Толстой.

Н. Я. Данилевский не знал и не мог знать историю России XX столетия. Иначе наиболее ярким примером его «пятого фактора» стала бы Великая Отечественная война. Попробуем смоделировать некую абстрактную ситуацию. Произошло столкновение аграрно-индустриальной страны с индустриальной. При этом более развитая в экономическом отношении страна на тот момент превосходила более слабую по основным экономическим показателям в 1,5–2 раза (по выплавке алюминия – в 3 раза), рядовой и офицерский состав армии индустриальной страны имел боевой опыт и более высокий уровень военной подготовки. Вооружённые силы аграрно-индустриальной страны встретили войну в невыгодных для себя условиях, сразу же потерпели серию поражений и понесли серьёзные потери. Одновременно быстрая утрата значительной части территории не позволила эвакуировать часть промышленности, был оставлен крупнейший угольный бассейн, дававший основную часть топлива страны. Если абстрагироваться от известной нам истории Великой Отечественной войны и исходить из обозначенных параметров, поражение аграрно-индустриальной страны было предрешено и закономерно одновременно в двух плоскостях: и военном, и экономическом. Но, как показал в реально осуществившейся истории ход боевых действий и перестройки экономики второй половины 1941 г. и 1942 г., Советский Союз обладал повышенным запасом прочности. По мнению автора статьи, в данном случае на фронте и в тылу явно прослеживается проявление сведения в критической ситуации всех векторов русского раскола к минимальному показателю. Первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) вспоминал впоследствии о первых эшелонах с эва-

куированным населением, прибывших на Урал: «Случалось, что в открытых полувагонах или платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно прикрыться от дождя... Иногда и этого не было... Никто, разумеется, не роптал – горе объединяло людей...» [13, с. 391]. В данном случае региональному руководителю удалось найти хорошо отражающую глубинную суть событий формулировку: «горе объединяло». Вместо традиционного раскола российского общества с каждым месяцем войны начал набирать силу фактор объединения всех сил ради победы над врагом. Как в 1812 г., в 1941–1945 гг. на разных уровнях командования выдвинулись талантливые военачальники, такие как Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватулин, Ф. И. Толбухин, Л. А. Говоров, И. Д. Черняховский, А. Е. Голованов, В. И. Чуйков, М. Е. Катуков и многие другие. И в отличие от кампании 1812 г., когда русская армия начала красиво с точки зрения полководческого искусства побеждать французскую только в ходе отступления последней, в Великой Отечественной войне хребет военной машины Германии был сломан в решающих победах в Сталинградской и Курской битвах, когда Красная армия впервые победила немецкую не только за счёт героического самопожертвования отдельных солдат и целых воинских формирований, но ещё и умелым применением правил военного искусства.

В Советском Союзе было осуществлено максимально возможное в рамках российской цивилизации единство общества. Были сняты важнейшие аспекты раскола – богатые и бедные, конфликт сословий, национальный вопрос. Деградация и предательство политической элиты за счёт сталинских чисток 1930-х гг. были отсрочены почти на полстолетия: отчётливо выраженная деградация политической элиты началась в 1980-е гг., предательство осуществилось в 1990-е гг. Не удалось только снять конфликт власти и общества. Как представляется автору данного исследования, именно в условиях России данный вектор раскола вечен и неизбежен. Государство в России с самого момента своего возникновения вынуждено выступать в качестве компенсационного механизма как организатор обороны и организатор экономики [14, с. 534–558], что требует принудительной концентрации людских и финансовых ресурсов и никак не может способствовать единению общества и власти.

Результаты преодоления раскола в сталинском СССР – это не только победа в Великой Отечественной войне, но и успешная ускоренная индустриализация, расцвет науки, выход в космос (который осуществился в период правления Н. С. Хрущёва, но основы заложены в сталинскую эпоху). Как видно из приведённых примеров, «дисциплинированный энтузиазм» (Да-

нилевский) в реалиях России может работать не только на войне, но и в созидательной плоскости научно-экономических свершений.

И сам распад СССР также можно рассматривать как результат постепенного нарастания в 1980-е гг. интенсивности проявления векторов многовекового российского раскола. Решающую роль, вероятно, сыграли резко усилившаяся деградация правящей политической элиты СССР, переход в оппозицию региональных политических элит союзных республик, обострение национализма в целой группе республик, постепенное и становящееся всё более заметным усиление неравенства в обществе, «затуманивание» массового сознания «сказками» о счастливой жизни в Европе и США в условиях демократии и рыночной экономики, приводящее к нарастанию сомнений в правильности существующего в СССР экономического и политического строя.

Спор западников и славянофилов XIX в. в начале XXI в. продолжается. И вопрос, по какому пути идёт Россия, тождественному Западу или своему самобытному, по-прежнему остро стоит на повестке дня. Вопрос зачастую предстаёт в завуалированной форме дискуссий по частным вопросам, например, споров сторонников и противников ЕГЭ или столкновения противоположных точек зрения экономистов на форму и степень государственного регулирования экономики России. Но при вдумчивом анализе и ЕГЭ, и госрегулирование экономики – это всё отдельные стороны ставшего уже многовековым вопроса: каким путём идёт Россия? Вопрос «Чей Крым?» 2014 г., который в 2022 г. перешёл в плоскость определения своей позиции по отношению к СВО на Украине, – это тоже спор российского общества о западном или самобытном пути развития России.

В современной России остались конфронтация малоимущих и зажиточных групп общества, конфликт власти и общества, проблема правящей (и культурной) элиты. Национальный вопрос эволюционировал на современном этапе развития России в проблему мигрантов. К традиционным видам русского раскола добавился новый – противостояние центра (Москвы) и регионов, который можно рассматривать и как перешедший на новый уровень традиционный российский конфликт высших и низших социальных слоев (отчасти – богатых и бедных). После вхождения в состав РФ Донецкой и Луганской республик, Запорожской и Херсонской областей на повестку дня выходит ярко выраженный раскол общества на новых освобождённых от контроля ВСУ территориях. Участник боевых действий в интервью с предельной откровенностью подчеркнул: «Часто происходило одно и то же: “У меня всё есть, чего вы сюда пришли?”. И при освобождении Мариуполя такое случалось. Некоторые плачут: “Только не ухо-

дите”, а другие: “Зачем вы сюда припёрлись?”» [15, с. 102].

Насколько можно судить по доступной информации и личным впечатлениям автора статьи, Россия вступила в СВО в условиях раскола по многим векторам общества. Наиболее яркими внешними проявлениями отсутствия единства явились бегство из страны ряда известных деятелей культурной элиты и части молодёжи призывного возраста, резкий скачок цен на предметы военной амуниции. Вызывает недоумение продолжающееся странное (в условиях военных действий и массового участия значительной части общества в помощи фронту) стремление в центре и в регионах к проведению массовых празднеств, фестивалей, ярмарок и т. п. Но ход событий 2023–2025 гг. всё-таки демонстрирует заметное ослабление степени раздробленности общества и нарастание патриотических настроений. Даже сформировавшийся в условиях нестабильной и частично криминальной экономики 1990-х – начала 2000-х гг. российский бизнес от явно выраженного стремления заработать на ситуации 1922 г. перешёл в 2023–2025 гг. к заметной финансово-экономической поддержке СВО.

В заключение необходимо отметить, что, как показывает исторический опыт, Россия иногда способна выигрывать войны, пребывая в состоянии конфронтации различных группировок общества. Но лучше всё-таки вести военные действия, когда общество едино. Хочется верить, что призыв «Наше дело правое, победа будет за нами» снова сможет объединить российское общество и поможет достойно выйти из очередного витка многовекового конфликта России и Запада.

Список литературы

1. *Безотосный В. М.* Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. М. : Яуза ; Эксмо, 2012. 672 с.
2. *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М. : Мысль, 1988. 348 с.
3. *Русская армия 1812–1814 / Безотосный В. М.* [и др.]. М. : Владос, 1999. 160 с.
4. *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. М. : Изд-во МГУ, 1985. 174 с.
5. *Керсновский А. А.* История русской армии : в 4 т. Т. 1 : От Нарвы до Парижа. М. : Голос, 1992. 304 с.
6. *Троицкий Н. А.* Александр и Наполеон. М. : Высш. школа, 1994. 304 с.
7. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) : в 5 ч. Ч. 1 : Вторжение. Севастополь : Полмет ГМБХ, 2010. 320 с.
8. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) : в 5 ч. Ч. 2 : Альма. Севастополь : Полмет ГМБХ, 2011. 320 с.

9. *Тарле Е. В.* Крымская война : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 567 с.
10. *Тарле Е. В.* Крымская война : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 656 с.
11. «Шутили, не верили, не готовились...». Интенданство: Изнанка кампании // *Родина*. 1995. № 3–4. С. 90–93.
12. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
13. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 1 : Суровые испытания / науч. рук. В. А. Золотарев ; гл. ред. Н. М. Раманичев. М. : Наука, 1998. 544 с.
14. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 2006. 568 с.
15. *Драбкин А. В.* Я – воин СВО. М. : Яуза-каталог, 2025. 352 с.

Поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025;
принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025;
accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026